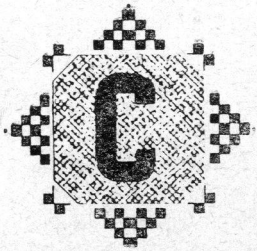
МИГУЛАЙ ИЛЬБЕК

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

БЫЛЬ



Совсем задумался Хведер. Вкуса еды не чувствовал. Чай не утолял жажды. Дети не радовали, а злили, прогнал их на улицу.

Так и не добился он толку. И в уезде был и до Чебоксар дошел и с большими начальниками толковал, а дела не сдвинул, заступника не нашел.

Только один человек — хоть и совсем молодой, а видно что смышленый — научил Хведера побывать в Москве. В Москве, мол, главный начальник над комиссарами, с ним и надо поговорить Хведеру по душам.

Этот молодой человек из Чебоксар беседовал с Хведером обходительно и толково. Может, и шутил, может, и правду говорил, Хведер все же припрятал в свои уши его совет. Больше он ни с кем говорить не стал, возвратился домой, занял у зятя деньги, стал думать о дальней дороге.

У встревоженной Унисе работа из рук валилась. Ну, пусть у них пропало семь ульев. Так разве умирать из-за них?

Есть телка большая, двухгодовалая. Можно телку продать, три семьи пчел купить, а там, бог даст, года

через два-три наживут и семь семей. Так она старалась утешить мужа, но Хведер и слушать ее не хотел.

— Ты, мать, пойми, не пчелы дороги, не пчелы главное. — Он нахмурил косматые брови. — Правды на белом свете нет, вот главное. Ну, восемь лет ломал я хребет на попа, ну, это можно понять — его власть. А нынче говорим же: наша власть. А что со мной сделали? Где же она, правда?

Он огляделся кругом, будто искал эту правду здесь, и руки даже расставил, чтобы не ушла она.

Вздыхает Хведер. Вздыхает Униссе. Досадно, конечно, да что делать! Вот в Чебоксары ходил, новые лапти истоптал — всего и пользы. А у московских разве семь пядей во лбу? Город большой, говорят, народу много. Где там правду искать?

— Не болтай зря, — сурово обрывает Хведер. — Сказано, поеду — и все. Отец мой, говорил же я тебе, в самом Симбирске был, у самого губернатора. Прошел восемь дверей, в девятые пустили...

— Отец-то с собой кадку меда повез...

— А я черные глаза, что ли, повезу? Глупая голова! Известно, сухая ложка рот дерет.

— Да нет ведь у тебя ничего...

— А пять фунтов меда? Хороший мед, гречишный. Да ширтан бараний тоже фунтов на пять будет. Вот и ладно! Не ахти какие богачи, с нас много не возьмут. Власть-то наша, говорят.

Умолкла Униссе. Уже Хведера ничем не проймешь, не уломаешь.

— Вот что, — решил он, — завтра рано поеду. Испеки мне штуки три ситного из полбенной муки, да гляди, картошки не примешивай. А я пойду петуха зарежу. Надо собираться.

Хведер вытащил из-под лавки видавшую виды потертую котомку, уложил туда чистое полотенце с красными каемками по краям и пару новеньких лаптей. У полушубка, крытого домотканым сукном, распоролся шов на рукаве. Хведер сам зашил его крепкими суровыми нитками. Потом пошел и зарезал петуха.

Заготовив таким образом все для дальней дороги, Хведер направился к соседу. Сосед его объездил весь

свет во время прошлой войны. Про Москву он говорил всегда одинаково: «А что для меня Москва? Фу! Для меня это ровно к свекрови сходить, что на Новой улице живет...»

Сьтапан сидел дома, плел лапти. Как только вошел Хведер, он бросил работу и закурил свою огромную трубку с медной крышкой.

Хведер молчал, оглядел избу Сьтапана, будто первый раз ее увидал. Начал издалека.

— Человек ты бывалый, сосед, Москву хорошо знаешь и с путевыми порядками, значит, знаком.

— Известное дело! А что?

— Ты мне во как сейчас нужен.

— Не то что Москву, а и Петербург знаем весьма хорошо. Чего хочешь знать, спрашивай. — Сьтапан лихо затянулся, поперхнулся и долго кашлял в густом дыму. Дыму было много, целое облако.

Хведер терпеливо ждал и удивлялся, как это в маленьком Сьтапане помещается столько дыма. Наконец дым рассеялся, и Хведер увидел Сьтапана, красного от натуги. Он еще долго вытирал слезы.

— Завтра в Москву думаю ехать, — сказал Хведер, тоже кашлянув из вежливости.

— В Москву? Неужто? — широко раскрыл глаза Сьтапан. — А на что тебе Москва понадобилась?

— Дело есть, — кратко ответил Хведер.

— Дел, братец мой, не только в Москве, а и у нас хватает.

— Я не шутить пришел, Сьтапан, беду мою сам знаешь...

— Э-э, друг ты мой, правду-матку искать задумал? Не первый ты... А кто у тебя в Москве?

— Кому быть? Нет никого. Думаю навестить главного комиссара.

— Ага! — Сьтапан поднялся с места.

Жена его, хлопотавшая у печки, повернулась к ним, растерянно моргая глазами, стянутыми сеткой морщин.

— Я и пришел узнать, какими путями можно до главного добраться...

— До главного, значит. — Сьтапан хитро прищу-

рил глаз, соображая. — Погоди, погоди. Значит, так: живет он, конечно, на главной улице, это точно помню, — он покрутил жидкие усы, — в Москве на самой главной улице жил и наш ротный, потому что он был главный. Ну и другие главные. Для них и построена. Ты так и спроси: главную, мол, улицу. Не сомневайся. — Сьтапан и глаза закатил, изрек не спеша: — Самый главный... Нет, не доехать тебе туда. — Он махнул рукой на Хведера решительно и безнадежно.

— В Москву-то? Не больше ведь семисот верст. Пешком и то можно за две недели. Чего ты?.. — очень удивился Хведер.

— То есть в Москву-то, пожалуй, доедешь, — неохотно объяснял Сьтапан. — А только к самому главному тебя не допустят.

— Ах ты боже мой! — прошептала жена Сьтапана и кончиком фартука вытерла пересохшие губы.

— Не допустят! — отрезал Сьтапан.

— Разве власть не советская? Нет, не такое время... — упорно твердил Хведер. — К нему иду. Он ведь землю мне дал.

— Землю дал. А ульи где? Кто взял?

— Свои.

— Свои... Известно, не чужие. Ну, а туда не дойдешь. Не впустят тебя...

— А в Чебоксарах один совсем молодой человек...

Слово за словом подбирают соседи. Упрямого Хведера разве переубедишь? И Сьтапан не слушает соседа.

— Да ты, Хведер, садись-ка к столу поближе...

Жена Сьтапана приносит и ставит на стол пузатый кувшин. Терпкий запах свежего пива будит аппетит.

* * *

Уж и поплакала Униссе, когда муж уходил из дому, будто на войну провожала. Дети молчали растерянно. Лишь сам Хведер держался достойно, невозмутимо. Он ушел, ни разу не оглянувшись, не кинул взгляда на рыдающую жену и замерших в тревоге детей. Ухо-

дил пешком, с котомкой за спиной, глубоко нахлобучив мохнатую шапку-ушанку, широко шагая под осенним, мелким, зябким дождем.

В Канаше он сел на поезд, в набитый до отказа вагон, так и не сняв с плеч тяжелую котомку. Сьтапан говорил, что, как сядет в Канаше, так через два дня и прибудет в белокаменную. Вышло не так. И на исходе вторых суток все копошились у каких-то станций да полустанков. За Арзамасом поезд остановился прямо в лесу. Для паровоза нужны были дрова. Рубили все пассажиры, принялся за работу и Хведер. Он так и не снял котомки: мало ли лихих людей, а с чем он тогда в Москву приедет. Без гостинцев куда сунешься?

Хведер получил топор и стал колоть поленья. Силища у него была завидная, лесное дело привычное. Как опустит топор на аршинное полено, так и пополам, будто само раскочится, только успевай за ним таскать. Теперь Хведер снял не только котомку, но и пиджак, жарко стало, да и не думал он больше о жуликах. Человек в черном пиджаке со светлыми пуговицами (начальник, не иначе, решил Хведер) заметил его, одобрительно похлопал по спине.

Окончив работу и одевшись, Хведер, путая русские и чувашские слова, стал объяснять человеку свое дело, куда и зачем едет. Начальник улыбался, слушал внимательно. Велел, как приедут в Москву, подойти к первому вагону.

Вот и Москва! Вместе с другими Хведер вышел из вагона, осмотрелся: народ так и кишел, как в добром муравейнике. Бойкие носильщики бегали взад и вперед. Один даже рядом с Хведером остановился, ухватился за его котомку, но Хведер держал крепко и посмотрел на носильщика так, что того сразу как ветром унесло. И здесь, в Москве, моросил холодный дождь, было сыро, скользко идти по мокрым камням. Где тут передний вагон? Хведер осмотрелся, вспомнил и, беспокоясь, не опоздал ли, не пропустил ли начальника, зашагал к паровозу.

Нет, вот он, в черном пиджаке, стоит, широко расставив ноги, и улыбается навстречу Хведеру.

— Ты где остановишься?

— Не знаю еще, начальник. В первый раз здесь, — смутился отчего-то Хведер.

— Тогда ко мне, — просто решил он. — У меня как раз брат в охране Совнаркома в Кремле. Может, пропуск достанет.

«Пропуск? — спросил себя Хведер. — Что за Кремль?» Город ли, дом ли, Хведер не знал, но знал он, что на свете есть добрые люди. Что для них не сделаешь! Но человеку в черном пиджаке ничего не нужно было. Если уж Хведер захочет, пусть хозяину поможет распилить и расколоть дрова. Хведер обрадовался: за доброе слово, за помощь он для хорошего человека гору сдвинет.

— Поведи тогда меня, — попросил он.

Они пошли. На улицах полно народа... У многих котомки пустые за спиной или сумки в руках, а кто и доску, полено несет. Лица бледные, одежда поношенная, живут, видно, тяжело, все задумчивые, у каждого, видно, свое, важное.

Похоже, все, как Хведер, вышли искать правду.

— Тут я живу, — показал новый знакомый на двухэтажный дом в переулке. — А зовут меня Петр Иванович. Железнодорожник я.

— Теперь-то знаю.

— Запомни название улицы. А дом номер шестнадцать. Как войдешь в нижний этаж, справа вторая дверь. Не забудешь?

— Не должно бы.

— А по твоему делу нынче же поговорю с братом.

— Благодарение мое, Петр Иванович.

Комната была одна, маленькая. Жил там Петр Иванович с женой и двумя детьми. Тесно, но чисто. И хозяйка и дети — все хлопотали, чтобы гостю было хорошо. Усадили за стол, налили щей. Суровые щи, без мяса, но горячие. Трудно живут, видно. Хведер достал ситный хлеб, каленые яйца, тихо положил деревенский гостинец в углу на маленький стол. Отдохнуть отказался, не устал, да и сидеть без дела было невмоготу. Пошел пилить дрова.

Тем временем Петр Иванович успел сходить куда-то. Рассказал Хведеру, что брат обещал достать про-

пуск в Совнарком. Но что к Ленину удастся попасть, не обнадеживал — очень занят Ленин государственными делами. И собрания, и заседания, и народ к нему, и законы пишет, да и война не закончилась...

Хведер выслушал внимательно и совсем приуныл. Прав, видно, был Сьтапан: где уж крестьянину-чувашу из Шатьмы со своим малым делом к Ленину набиваться!

— Да ты не отчаивайся, Хведер. Ведь есть помощники у Ленина, люди толковые, разберут.

— Уж разве попробовать, — безнадежно вздохнул Хведер. — Раз приехал.

Брат Петра Ивановича — Борис Иванович оказался коренастым, ладным, приветливым человеком. Только месяц назад вернулся он из госпиталя, на голове еще была черная повязка. Надежный фронтовик, он сейчас охранял Кремль. Ленина видел часто. Хотел Хведер расспросить его, какой из себя Ленин, да постеснялся при первом знакомстве. Они ехали на трамвае, потом пошли пешком, и Хведер все дивился на высокие, в несколько этажей, дома да на церкви — когда только их понастроил народ! Если бы не Борис Иванович, Хведер давно бы заблудился. Но Борис Иванович, видно, знал Москву, как Хведер свой лес.

Они подошли к зубчатой стене — оказалось, это и есть Кремль.

Внутри высокие белые дома и церкви, маковки горят на солнце. Борис Иванович показал, в каком доме работает Ленин. Взял у Хведера бумагу, выданную сельским старостой, и ушел надолго.

Хведер даже забыл, зачем пришел. Все разглядывал дома да церкви, еще были тут не то чугунные, не то медные люди; стояли точно живые, растопырив руки и ноги. И трех дней не хватило бы осмотреть все. А Сьтапан ни разу про Кремль не помянул. Самое лучшее утаил.

— Да идем же, идем скорее! — крикнул вернувшийся Борис Иванович. — Все будто сделал. Как выйдет твое дело, не знаю, — говорил он на ходу.

Два красноармейца проверили пропуска, спросили, что у Хведера в узелке, улыбнулись, взглянув в его ра-

достное и растерянное лицо. Вошли в большой дом, здесь знали Бориса Ивановича, здоровались. Хведер все видел смутно, казалось ему, кругом блестит золото и серебро. В большой комнате много народу, среди них такие же мужики, как он сам, еще, пожалуй, похуже одетые.

— Это кто же? — указал он на чужих мужиков.

— Тамбовские крестьяне, тоже ходоки.

— А мне посидеть можно?

— Разве устал?

— Да нет! А хочется немного посидеть... Тут ведь небось цари сидели когда-то.

Борис Иванович только улыбнулся, ввел Хведера в соседнюю комнату. Там статный человек пожелал Хведеру здоровья и пожал руку. И сразу стал расспрашивать о деле. Хведер стал, как мог, говорить. По-русски знал не очень хорошо, от волнения еще больше путал. Под конец сказал: боится, мол, что не поймет его никто, хотел бы с Лениным поговорить. Тот понял бы. Статный человек еще помолчал, слушая, не прибавит ли чего Хведер, вздохнул сочувственно, ответил на телефонный вызов и, ничего не сказав Хведеру, вышел из комнаты.

— Это кто же будет? — спросил Хведер шепотом.

— Потом узнаешь...

— Большой, должно, начальник, серьезный... А куда ушел?

— Потом узнаешь...

Статный человек вернулся.

— Ну что же, пойдемте, потолкуем, — позвал он за собой Хведера. — Вещи можете здесь оставить.

Оробевший Хведер еще крепче прижал к себе узелок, шагнул за порог и очутился в просторной светлой комнате. За столом сидел человек, писал, низко склонившись над бумагой. Писал так быстро, что Хведер и уследить не мог.

— Здоровья желаю, — пробормотал Хведер дрожащим голосом и так, что себя едва услышал.

Тихо в комнате. С улицы ничего не слышно. Большие, как двери, окна занавешены желтоватыми шторами. Мягкие кресла стоят у стола и по стенам.

Статный человек пригласил Хведера сесть. Но он все стоял у дверей и теребил свой узелок.

— А, здравствуйте, здравствуйте! — сказал пишущий человек и, встав из-за стола, быстро подошел к Хведеру, крепко пожал ему руку. Потом вынул белый платок, вытер широкий свой лоб.

Глаза у него живые, веселые, бородка рыжеватая, а главное, Хведер сразу успокоился, потому что человек этот был хорошо и давно ему знаком. Где он его видел, припомнить не мог: не то встречал в городе, где сына в школу устраивал, не то в Чебоксарах, не то в другом месте, а только знает его — и все. «Ну да ладно, потом вспомню, — решил Хведер, — а может, он и сам напомнит». Робеть Хведер совсем перестал.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — говорил меж тем человек, потирая руки. — По каким делам к нам пожаловали? — И наставил большое ухо, слушать.

— Человек я... пошел правду искать, — сбивчиво повел речь Хведер. — Пчеловод. Работал на пасеке, за пчелками смотрел, да... пчела, она верная, она порядок любит... По правде живет...

— Пасечник, говорите? Пчеловод? И что же?

— Отобрали мои ульи...

— Кто?

— Власть, кто еще.

— А-а, вот оно что... Сколько было ульев?

— Да до двух сотен...

— Гм, двести... — сказал человек с бородкой раздумчиво. — Что ж, правильно власть сделала. Значит, одно хозяйство держит двести семей пчел! Сколько для этого земли надо? Какой доход? Не-ет, рядовой крестьянин столько не сможет держать, не сможет! Кулак, хищник, сможет. Власть пра-ва, — твердо сказал человек с бородкой и посмотрел прямо в глаза Хведера.

Хведеру стало зябко, и тут ему показалось, что никогда он этого человека не знал и не видал раньше. Он поспешно встал со стула.

— Владимир Ильич, — вмешался в разговор статный человек. — Товарищ неясно объяснил... Чувашин, плохо говорит по-русски. Пчелы-то не его были, он у попа батрачил.

— Чуваш, говорите? — переспросил человек с бородкой. — Издалека?

— Из Симбирской губернии.

— А, земляки, значит. Ну, ну, давайте посидим, побеседуем, — Ильич слегка тронул Хведера за плечо, усадил в кресло. — Значит, вы мастер-пчеловод? Это отлично! Трудное дело. Двести ульев — и вы один пасечник? Чья, говорите, пасека?

— Кошелеевского попа, скареды-жадюги. Восемь лет на него ярмо таскал. У него же стояли и мои ульи.

— Много ли ваших?

— Семь семей.

— Семь семей? — снова человек глянул прямо в глаза Хведеру, и Хведер опять понял: знает он этого человека, хорошо знает.

Смело, понятно объяснил:

— Вот с поповскими и мои ульи забрали.

— Все семь?

— Все.

— Вот оно в чем дело! Ну, и возвратили их вам?

— Куда там, и говорить со мной не стали. Поэтому и пришел сюда.

— Правду искать, говорите?

— Так это к слову пришлось...

— Нет, нет, правильно пришлось. Очень правильно! Как вас зовут?

— Хведер, Тимахвея сын.

— Вот видите, Владимир Дмитриевич [1], — обратился человек с бородкой к статному, — товарищ ищет правду, правильно ищет. Ведь вот что делают еще на местах. Человек батрачил восемь лет. Зарабатывал за год по одной семье пчел — и те отбирают. У честного крестьянина отбивают охоту к работе. Подрывают веру в правду. Это недопустимо. Надо, во-первых, иметь закон о разведении пчел. Пусть все крестьяне захотят заниматься пчелами. Как вы сказали? — он обратился к Хведеру. — «Пчела порядок любит, пчела по правде живет»? Этого не скажешь о некоторых случайных людях, пролезших в наш аппарат. Сегодня же, Владимир

---

[1] В. Д. Бонч-Бруевич.

Дмитриевич, дайте телеграмму, чтобы возвратили семь семей. И прошу, доложите мне непременно. Это — важно! А вы, Федор Тимофеевич, наверное, это дело хорошо знаете. У меня к вам предложение. Под Москвой, в Горках, мы открыли институт пчеловодства. Так вот помогите, приезжайте на лето работать туда.

— А что же я могу делать-то? — удивился Хведер.

— Учить молодых. Нам мастера нужны.

— Насчет переезда-то... Хозяйство у меня. А вообще подумать стоит, работа знакомая.

— Да, да, стоит подумать, — серьезно подтвердил человек с бородкой. — Ну, а как сейчас в деревне?

— Да полегчало немного. Вот и я засеял две десятины, свой хлеб будет. Недавно школу в деревне открыли.

— Ничего, Федор Тимофеевич, окончим войну, лучше заживем. Да, много лучше. Так и скажите односельчанам: советская власть не даст их в обиду.

— Это хорошо, — сказал Хведер и замялся: — А ты-то сам, кто ты такой есть?

— Ульянов-Ленин.

Хведер рот приоткрыл, да так слова не вымолвил. Поднялся медленно, дрогнула рука, и шапка упала на пол. Покатилась. Хведер и не заметил.

— Вот судьба-то какова... — сказал наконец глухо.

— Да вы сядьте, сядьте. — Ильич поднял шапку, отряхнул и подал Хведеру. — Какие у вас еще дела?

— Нет у меня больше никаких дел, — растерянно говорил Хведер, развязывая узелок, — вот только...

— Это что же?

— Мед гречишный, чистый, ситное, — бормотал невнятно Хведер, — тебе вот...

Ленин сморщился, как от боли, заговорил быстро:

— Э, нет, нет, вы издалека, пригодится. Заверните, заверните, унесите сейчас же. А пчел ваших вернут.

— Да нет... Теперь и пчел мне не нужно.

— Как же, — Ильич засмеялся звонко, — вы же за ними приехали?

— На что мне пчелы!.. Я за правдой... Нашел!

...Ленин записал адрес Хведера, проводил до дверей, еще раз пригласил в Горки на работу, а Хведер и

«спасибо» не мог выговорить. Только у самой двери сказал:

— Хорошо! Хорошо!

Тут его встретил Борис Иванович. Хведер без слов обнял его, сам не понимая, что делает, крепко поцеловал трижды.

— Ты что?

— Я у Ленина, брат, был, у самого Ленина. — Глаза Хведера под нависшими бровями светились радостно. — Расскажу, — твердил он, — всем расскажу, как был у Ленина!

1960